
Внешняя политика нового мира: движение к нестационарной системе мировых связей

Александр Неклесса

События 11 сентября 2001 года и их последствия осветили новую глобальную ситуацию, формирующуюся систему мировых связей. Одновременно эти трагические события послужили обоснованием происходящей смены парадигмы в сфере внешней политики, укрепив тенденцию к действиям, нацеленным на опережение, предупреждение неблагоприятных процессов. Основу прежней политики национальной безопасности — доктрину сдерживания и связанную с ней концепцию устрашения с помощью массированного ответного удара сейчас готовится сменить доктрина упреждающих действий, включающая в себя возможность, а подчас и обязанность нанесения превентивных ударов. Подобные изменения — во многом результат расширения спектра реально действующих субъектов мировых связей, выходящих за рамки их прежней номенклатуры («национальное государство») и прежних механизмов сдерживания («массированный ответный удар»).

Параллельно с очевидным возвышением США в новой конфигурации мировой политики проступают контуры и горизонты иного планетарного субъекта — геоэкономического ареала Нового Севера, продукта универсальной «штабной экономики» и процесса транснационализации элит. Расширяется также сфера присутствия и влияния эклектичной культуры мирового Юга, оценки которого разнятся от «источника жизни, питающего стареющий Запад» до «нового варварства, удушающего цивилизацию». Мировые Север и Юг обретают глобальные пропорции, сосуществуя на единой планете, но представляя все более разнящиеся миры с различным историческим целеполаганием. Возникающие конфликты и турбулентности укрепляют тенденцию становления глобальной динамичной структуры управления социальными процессами в качестве новой исторической нормы внешних отношений — *поствестфальской системы мировых связей*.

Конец цивилизации или зигзаг истории?

Процесс глобализации заметно повлиял на социальную мысль конца XX века, выдвинув идею новой композиции мирового контекста, его преде-

лов и ориентиров¹. Вектор динамики — переживаемая человечеством социокультурная революция — равно меняет как идеалы мироустройства, так и механизмы практической политики. Двусмысленную киплинговско-сталинскую, культурно-политическую и «горизонтальную» оппозицию *Запад — Восток* дополнила во второй половине столетия социальная вертикаль *Север — Юг*. Затем эти пространства расширились за пределы их условной географической локализации, очерчивая планетарные, взаимопроницающие, но все же раздельно, словно слоеный пирог, сосуществующие ареалы мирового Севера и мирового Юга.

К концу века заметно изменился прежний Север: в результате распада СССР и сопряженных с его существованием внешнеполитических конструкций обозначилось пестрое атомизированное пространство стран с переходной экономикой, а Соединенные Штаты превратились в уникальную глобальную державу с неясными пока полномочиями, сферой компетенции и кругом ответственности. Одновременно радикально трансформировался и Третий мир, разделившийся на динамичный тихоокеанский Новый Восток и «потерянное поколение» стагнирующего Юга, к которому принадлежит большинство стран Африки. Параллельно начал прорисовываться контур принципиально иных, трансгеографических социо-конструктов: транснациональных сетей квази-Севера и «мирового андеграунда», Глубокого Юга. Несмотря на различия их социальных горизонтов, они постепенно сливаются в единый «диффузный архипелаг», дестабилизируя прежние скрепы цивилизации.

На подобной обновленной, но не вполне еще четкой основе шаг за шагом формируется новая система внешних отношений — поствестфальская структура мировых связей, строящаяся на другом прочтении кодов поведения и картографии планетарного сообщества, иной номенклатуре и иерархии действующих субъектов. Интерес вызывают как перспективы явно монополярной, имперской структуры социума, так и другие возможности (та или иная форма биполярности/многополярности, горизонты экспансии сетевой схемы социальной регуляции, ее метаморфозы, отношения с более привычными системами управления, возникающие при этом взаимозависимости, симбиозные формы и т. п.). Наконец, актуальным становится исследование феномена системного терроризма, представляющего органичную часть культуры сетевых организаций.

11 сентября 2001-го показало, что в наступившем столетии трансграничное теневое сообщество может стать реальной и постоянной угрозой, однако определение его характера, внутренних механизмов и движущих сил ставит порой в тупик не только практических политиков, но и опытных исследователей исторической перспективы. Новый терроризм учитывает взаимосвязанность глобального мира, системный характер протекающих в нем процессов и предъявляет соответствующую стратегию уг-

роз. Его акции строятся на принципе домино, а менталитет их организаторов напоминает мышление опытных шахматистов. Планетарный контекст, в котором действуют террористы, повышает значение символических объектов, жестов и процедур. В глобализированном сообществе возникает «эффект бабочки», когда событие в одном месте способно вызвать лавинообразные последствия в другом — к примеру, в сферах общественной психологии или финансово-экономических операций, хотя и хорошо управляемых, но уязвимых для подобного рода системных влияний.

Несмотря на очевидную трагичность, события 11 сентября все-таки важны не сами по себе. Во-первых, они высветили новую глобальную ситуацию — формирующуюся систему мировых связей. И, во-вторых, послужили спусковым крючком для определенных действий в сфере мировой политики.

Социокультурная революция, разворачивающаяся на планете, проявляется в разнообразных процессах и феноменах, меняющих среду обитания человека, общественное сознание и привычные формы социальной организации. Некоторые из этих изменений, однако, до последнего времени явно не привлекали достаточного внимания. Так, параллельно с широко обсуждаемой *глобализацией* (складывание системы мирового управления, штабной экономики, единого информационного пространства и т. д.) в социальном универсуме не менее интенсивно развивается *индивидуализация*, то есть формирование влиятельных, активных личностей, обладающих доступом к значительным финансовым, экономическим, техническим ресурсам и рычагам действия. Оговорюсь, что под влиянием массовой культуры и прочей феноменологии массового общества модель поведения большей части человечества заметно унифицируется, уплощается и подчиняется стереотипам, объединяя субъекта с исполняемой им социальной функцией (ролью). Но одновременно ресурсы и пространства глобализации вкупе с порожденными цивилизацией могучими инструментами создают уникальные условия для социально значимой экспансии пассионарного индивида в современном мире.

Новые формы социальной организации, возникающие на этой основе, рождают различные конфигурации амбициозных групп и индивидов. Прежняя социальная гравитация, устойчиво спланивавшая элитные группировки в рамках национальных государств и национальных корпораций, теряет прежнюю эффективность. Появляются своеобразные «астероидные группы», транснациональные по пространству приложения сил, своему составу и целеполаганию. Складывается механизм эффективной частной власти, новый класс неформальных организаций (как публичных, так и непубличных), способных подчас совершать политические и другие действия планетарного значения и пропорций. Именно в контексте подобного полифонического политического пространства, его гло-

бальной развертки события 11 сентября прозвучали особенно эффектно и сыграли специфическую роль. Как бы мы ни расценивали внутреннее содержание феномена бен Ладена, само появление стереотипов «гиперличности», «личности, противостоящей миру», «человека, противостоящего цивилизации», «врага мирового сообщества» свидетельствует о многом.

В тот роковой день, на мой взгляд, изменились не сам мир и не порядок вещей. Качественно трансформировались его прочтение и интерпретация, общественная психология усомнилась в привычных устоях бытия. Это, в свою очередь, сказалось на деятельности мирового аналитического сообщества, на приоритетах его повседневной работы и концептуальных задачах. Усилился интерес к интеллектуальным достижениям в сфере стратегического анализа и прогноза.

Картографию формирующегося миропорядка читают в наши дни очень по-разному (что отражает возросшую полифонию человеческой свободы), и с порога XXI века открываются ландшафты, ранее историческому взору невидимые². Отвергнув патернализм религии и традиционного общества во имя обретения зрелости и личной свободы, современное массовое общество склонно обменять последнюю, оказавшуюся обременительной и связанной со смертельным риском, на изрядную толику иллюзий, персональный комфорт и безопасность. Транснациональная культура «комфорта и безопасности» отчетливо заявила о себе в последние десятилетия. Несколько неожиданным ответом на этот культурный вызов стал на мировой арене системный терроризм, то есть система точечных, но высокоэффективных акций, обладающих могучим эффектом резонанса — долговременного, хорошо просчитанного последствия, значимо проявляющегося именно в данной культуре. Речь, таким образом, идет о специфическом инструменте частного (непубличного) управления современным обществом со стороны влиятельных, но безликих организаций — этой аморфной и эклектичной «власти без государства», оперирующей транснациональными эскадронами смерти.

Сегодня можно выделить три ключевых аспекта формирующегося Нового мира:

- цивилизационную динамику на рубеже тысячелетий;
- трансформации в сфере международных отношений;
- изменение структур управления и генезис новых организационных структур.

Если попытаться обобщить разнообразные мнения, высказанные в интеллектуальном сообществе о сути мировых процессов, то их, пожалуй, можно свести к трем концептуальным позициям.

Первая: по большому счету в мире не происходит ничего принципиально нового. К примеру, Франсис Фукуяма в статье «Началась ли история опять?», появившейся после событий 11 сентября, утверждает, будто тра-

гические и турбулентные события последнего времени отражают последовательное продвижение в будущее локомотива Модернити. А негативные явления, с которыми мы сталкиваемся, — это всего лишь издержки модернизации, которая интенсивно продолжается, хотя и в непростых условиях³.

Вторая: на планете происходят серьезные, прежде всего качественные изменения. Модернизация (в первоначальном и основном значении этого понятия) зашла в тупик. В мире же набирает силу принципиально иной процесс, который чаще всего определяют как «социальный постмодерн». Он проявляется в разных формах: то как культурно-цивилизационная полифония, то как более-менее завуалированная демодернизация, а в экстремальном случае как процесс неоархаизации мира. Этой точки зрения придерживается, в частности, Самьюэл Хантингтон, поскольку в его концепции речь идет о конфликте различных систем ценностей (культура Модернити лишь одна из них), о планетарном, «горизонтальном» столкновении цивилизаций.

Однако новую социально-культурную феноменологию и демонстрируемую систему ценностей нельзя свести к какой-либо одной, хорошо известной и исторически реализованной цивилизации, культурно-историческому типу или идеологической системе. В драматических событиях последнего времени проступает контур иной, целостной, хотя пока и не слишком выятной культурной и социальной семантики. Не исключено, что, находясь на самой кромке ветшающей исторической конструкции, мы присутствуем при зарождении некой цивилизационной альтернативы с собственными законами и логикой социальных институтов.

В таком случае (и это составляет суть *третьей* точки зрения, которой я придерживаюсь) происходящие сейчас события — это не что иное, как «вертикальное», диахронное столкновение цивилизаций. Иначе говоря, современный мир сталкивается не с теми культурами, которые существуют на планете в проявленном виде и хорошо известны, а с некой тенью, призраком цивилизации, нависающей из будущего⁴.

Поствестфальский мир

Актуальный аспект происходящих перемен касается самой среды, номенклатуры международных отношений. Что мир уже никогда не будет таким, каким был или казался в прошлом столетии, очевидно. Однако реальный дизайн существующих социополитических карт XXI века весьма неточен, расплывчат, а порой он двусмыслен. На их виртуальных листах видны одновременно и контуры «великой суши» Четвертого Рима — грандиозной системы глобальной безопасности, ориентированной на новый орган всемирно-политической власти, и волнистые линии «мирового океана» — нестационарной, турбулентной системы международных связей.

Чтобы не быть голословным, перечислю некоторые проблемы, связанные с происходящей трансформацией мирового контекста:

- перераспределение властных полномочий с национального уровня на глобальный;
- появление таких новых субъектов власти, как глобальная держава, международные регулирующие органы, неформальные центры влияния чрезвычайно высокого уровня компетенции;
- феномен страны-системы;
- деформализация власти, снижение роли публичной политики и представительных органов, тенденция к расширению зоны неформальных процедур принятия решений, заключения вместо полноценных договоров устных консенсусных «договоренностей»;
- наметившиеся горизонты «судейской власти» (в контексте утверждения новой международно-правовой парадигмы);
- транснационализация элит и появление новой социальной общности — Мирового Севера, параллельная глобализация альтернативного пространства Мирового Юга (включая «варваризацию Севера»);
- слияние политических и экономических функций, формирование на этой основе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления;
- пространственная локализация (географическая и трансгеографическая) различных видов хозяйственной деятельности, появление новой формы мирового разделения труда, перераспределение мирового дохода и взимание «глобальной ренты», формирование геоэкономического универсума;
- развитие транснациональных сетей сотрудничества и сетевой культуры в целом.

Если подвести предварительный итог этим изменениям, то можно, пожалуй, утверждать, что в мире складывается динамичная и иерархичная система международных связей, а международные отношения, как их понимали десять лет назад, де-факто уже не существуют.

Действительно, международные отношения перестают быть пространством, где формально равные и суверенные субъекты создают изменчивые, уравнивающие друг друга коалиции и конкурентную среду их взаимоотношений. Независимо от конкретных целей, которые преследуют участники той или иной кризисной ситуации, в последние годы на планете складывается специфическая глобальная иерархия: на одном полюсе — международные регулирующие органы («глобальная держава», «большая семерка», НАТО и т. п.), а на противоположном — государства-парии. Подобная эволюция международных отношений заметно подрывает логику модернизации и дух Нового времени, ибо возрождает конструкции, характерные для сословного, «феодалного» мира. Наметились также рас-

хождения между европейской и американской трактовками целей и форм современного политического процесса, различия в оценке дизайна возводимой глобальной конструкции, в реестре основных проблем и угроз. Становятся очевидными логические несовпадения между правилами игры, утвердившимися на планете после окончания холодной войны в 90-е годы (коллективные действия, «гуманитарная интервенция», отсутствие острой идеологической конфронтации), и новыми идеополитическими конструктами («ось зла», перспектива многолетней «войны с террором», односторонние действия глобальной державы, некоторые ключевые положения новой доктрины национальной безопасности США и т. д.)⁵.

Другое характерное свойство складывающейся поствестфальской системы — ее принципиальная нестационарность, предполагающая активный, турбулентный характер ряда процессов и постоянное управление хаотизированной средой. В свою очередь это приводит к становлению новых, «матричных» технологий управления, нацеленных не столько на управление тем или иным проектом, сколько на формирование ситуации, в которой проект реализуется, на контроль над средой. При этом стабильность предстает не статичной, а динамичной категорией, способной предупреждать неблагоприятное развитие событий и превентивно регулировать их (то есть скорее *crisis management*, чем *crisis resolution*).

Один из важнейших аспектов перемен — смена действующих кодов управления. Новые организационные схемы и технологии подчас взрывают прежние институты, меняя привычный облик власти. Просматривается тенденция к маргинализации «легальной власти», отчуждению национальной публичной политики от решения ряда ключевых вопросов и подмене ее альтернативной системой социальной регуляции — властью «неформальной», транснациональной, геоэкономической. Параллельно происходит естественная в этих условиях экспансия сетевых структур: пестрого конгломерата «амбициозных корпораций», социальных, политических, экономических, культурных организмов (клубы с различным уровнем влияния и компетенции, разнообразные религиозные и квазирелигиозные организации, глобалистские и антиглобалистские структуры, наконец, разного рода асоциальные, террористические организации, весь пестрый и эклектичный мировой андеграунд)⁶.

Новая культура, подобно вирусам, может присутствовать во плоти прежних социальных организмов, в недрах которых назревает новоявленное «столкновение цивилизаций» — конфликт между централизованной иерархией и гибкой сетевой культурой, администратором и творцом, центростремительными и центробежными тенденциями. Сетевая организация лучше приспособлена к турбулентному состоянию социальной среды, где вместо непрерывной функции она реализует дискретные проекты (в современных условиях эту проектную культуру «взнуздывает» кластер-

ный характер матричного управления). Сетевая культура и возникает-то особенно интенсивно именно в моменты социального кризиса или взлета. В этих непростых условиях проектная логика способна свести к минимуму влияние долгосрочных инерционных воздействий и связанных с ними принципиальных ошибок.

У всех такого рода образований единая основа — деятельный человек. Энергичные личности существовали в мире всегда, но никогда прежде они не оперировали так свободно финансовыми, информационными потоками, не обладали столь широкими техническими и экономическими возможностями. Сетевые сообщества (и террористические, в частности) формируются из личностей, формулирующих концептуальные цели и создающих под свои проекты временные виртуальные организации. Если выдвинутая идея (или финансовая цель) содержит вызов и имеет перспективу, определенный класс людей собирается в кластер. Эти коллективы могут действовать совместно, но автономно, не сливаясь в единую организацию и, тем не менее, присутствуя в общем русле разделяемых целей и идеалов. Подобная среда в глобализирующемся мире становится все более действенной и влиятельной.

К сожалению, осознание глубины и радикальности всех этих перемен явно запаздывало, их оценка не выходила за некие психологические, интеллектуальные или «политкорректные» рамки. Нельзя сказать, чтобы будущее всем представлялось безоблачным; в последние годы проскальзывало предчувствие драматических событий (например, особого террористического акта, связанного с локальным применением средств массового поражения), способных изменить общественное сознание, показать новизну ситуации, ускорить социальное время. Именно это и произошло.

Многое сейчас видится яснее. Очевидней становится масштаб перемен последнего десятилетия, более внятной — логика глобальной трансформации. Изменения коснулись буквально всех сторон социальной реальности. Не только сломалась ось социополитических координат Восток — Запад, но и заметно трансформировалась ось Север — Юг. Как следствие, выяснилась непригодность привычного интеллектуального инструментария, что порождает конъюнктурную суету и множась ошибки. В обычных условиях государственные органы не интересуются полноценными социокультурными штудиями и задвигают их на второй и даже третий план. Однако если происходит серьезное искажение стратегической перспективы, то ради удержания контакта с реальностью приходится менять язык анализа — иначе равно затруднительными становятся концептуальная разведка, сценарный анализ, нормативное прогнозирование (планирование), а порой даже простое понимание событий и выстраивание их нового реестра ⁷.

За последние годы горизонт прагматичного, технологического прогноза заметно сузился. Эта сценарная схема явно не может успешно функ-

ционируют в радикально меняющемся мире. Человеческое сообщество и процессы, в нем протекающие, не только изменчивы сами по себе. Изменчивы и познанные ранее закономерности их развития, что серьезно усложняет анализ. Многие проверенные временем социальные алгоритмы уже не работают или не работают «должным образом». По этой причине социальное проектирование переживает сейчас пору быстро сменяющихся друг друга креативных социомоделей, выстроенных *ad hoc*, применительно к конкретной ситуации, и потому обладающих весьма коротким сроком эффективного действия.

Новое положение вещей лучше всех понимают, по-видимому, в США. Их действия свидетельствуют о начавшейся преадаптации американской политики, которая призвана теперь опережать события, прибегая, например, к превентивным ударам по государствам, угрожающим Соединенным Штатам. Эти перемены начались еще до 2002 года. Неурегулированные до конца конфликты с внешним участием (Ирак, Босния, Косово, Македония, Афганистан и др.) выстраиваются в единый типологический ряд. Складывается картина повсеместно контролируемого и управляемого хаоса.

Соединенные Штаты наших дней — источник глобальной стратегической инициативы, самая мощная страна мира, или, по выражению госсекретаря Колина Пауэлла, «господствующая мировая держава». Ее образ как своего рода Нового Рима, «мирового города», окруженного «провинциями» и зависимыми странами⁸, с каждым годом становится более ярким и емким: принятие ключевых решений в сфере мировой политики, позиция защиты цивилизации и противостояния мировому варварству — подчас при участии армий этих же варваров, союзников и наемников, императорские полномочия консула-президента, зона национальных интересов, простирающаяся на всю доступную ойкумену... Но вместе с тем Вашингтон видит для себя и некий критический горизонт: 2015—2020 годы (порой называют более ранние или более поздние сроки), когда положение США может ухудшиться, если они не будут действовать на опережение негативных тенденций и событий. А значит, если менять политику, то сейчас.

Таким образом, у акций Соединенных Штатов в Афганистане и других горячих точках планеты в определенном смысле вообще нет временной границы. Это скорее звенья, «опорные площадки» новой гибкой и динамичной системы управления турбулентными процессами на планете (контроль над ключевыми/критическими зонами и образуемые вокруг них оперативно-тактические коалиции), которая сменяет вестфальскую систему статичных международных связей. Привычную же стратегию сдерживания (устрашения) заменяет доктрина упреждающих ударов.

США сейчас, видимо, важна не полная и окончательная победа в том или ином конфликте, а нечто иное. Америка решает на практике стоящую перед ней масштабную задачу: перехватить и удержать стратегическую

инициативу, создать, опробовать и утвердить новую схему мирового управления. Чтобы отличить эту схему от прежней сбалансированной и стационарной системы международных отношений (*inter-national relations*), я бы охарактеризовал ее как динамичную глобальную систему мировых связей (*intra-global relations*). Современные национальные государства делегируют при этом свои компетенции сразу по трем векторам: глобальному, федеральному, субсидиарному; кроме того, растет число иных влиятельных участников мировых событий и множатся типы этих акторов.

Встает несколько серьезных вопросов. Кто будет проводить в жизнь подобный курс? США единолично или мировое сообщество в виде коллективной позиции? В какой форме: преимущественно мирными или военными средствами? Насколько перспективным окажется возрожденное манихейское прочтение международных отношений как сферы борьбы добра и зла («ось зла» как новое издание идеи крестового похода против «империи зла»)?

Активно формируется и поствестфальская *международно-правовая парадигма*, закрепляющая в общественном сознании и в пространстве международных отношений «новый обычай» в качестве нормы своеобразного протоправа. Для него характерны нечеткость законодательной базы, преобладание властной политической инициативы над юридически закрепленными полномочиями и сложившимися формами поведения государств на международной арене, неформальный характер ряда влиятельных организаций, анонимность и принципиальная непубличность многих принимаемых решений и т. п.

В последнее время международные и иностранные органы правосудия все чаще преследуют в судебном порядке отставных и даже действующих глав государств, а также иных лиц, занимающих или занимавших ранее высокие государственные посты. Кроме того, множатся попытки национальных судебных органов принимать решения, обязательные для исполнения иностранными государствами и международными организациями. Вот пример такого рода действий, воспринимаемый пока как курьез: в начале 2001 года один из американских судов (если не ошибаюсь, суд штата Алабама) принял решение, запрещающее ОПЕК манипулировать ценами на нефть. Со временем суды могут занять в грядущем Новом мире совершенно особое положение: в отличие от «провинциальных» институтов исполнительной и законодательной власти, тесно связанных с национальной территорией, превратиться в транснациональную власть.

Геоэкономический и транснациональный универсум

Параллельно с возвышением Америки вырисовываются, как я уже упомянул, горизонты нового глобального субъекта — Нового Севера. «Аналогия

с империей в данном случае оправданна, потому что система мирового капитализма управляет теми, кто к ней принадлежит, и из нее нелегко выйти, — описывает создавшееся положение хорошо разбирающийся в перипетиях финансово-экономического космоса интеллектуал-финансист Джордж Сорос. — Более того, она имеет центр и периферию как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалистические тенденции... Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гунна, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели»⁹. У подобной схемы есть, однако, не только привычное социальное и географическое прочтение...

В 90-е многие исследователи прогнозировали смещение политических и силовых игр наступавшей эпохи из военно-политической сферы в экономическую, а также эскалацию нового типа конфликтов — геоэкономических коллизий, развивающихся в контексте международных связей. Как писал один из влиятельных сторонников этого подхода, «геоэкономика основывается не только на логике, но и на синтаксисе геополитики и геостратегии, а в более широком смысле — и на всем существующем опыте конфликтных ситуаций»¹⁰.

В новом веке экономика обретает политическую субъектность и соответствующий горизонт. Из процесса обустройства материального мира она превращается в полифоничное искусство стратегического действия и системных операций, происходит слияние политики с экономикой в сфере международных отношений, формирование на данной основе системы глобальных взаимодействий. При этом частично стирается не только граница между внутренней и внешней политикой, между внутренним и внешним пространствами государства. Экономическая деятельность прочитывается сейчас и как вполне привычная хозяйственная субстанция, и как трансценденция ее сложившегося ранее облика, как перманентное освоение ею новых предметных полей. Потенциал геоэкономического космоса представляется практически необъятным; здесь к некоторому логическому пределу подходит само развитие экономической практики. Ее вектор устремляется от экстенсивного исчерпания материальных ресурсов цивилизации к интенсификации возможностей высокотехнологичного развития, а в перспективе, при использовании возможностей виртуальной сферы, и к преодолению любых мыслимых пределов роста. Стимулы же новой экономики, особенно при недостатке радикальных технических инноваций и господстве оптимизационных технологий, все больше выходят за рамки контекста привычных операций. Иначе говоря, это уже не только хозяйственная сфера, но и информационный, цифро-

вой мир. С какого-то момента перед нами возникает не просто турбулентное пространство финансов, а скорее форма проекции политических и правовых норм. Еще один геоэкономический вектор XXI века — более тесная и масштабная связь внешней политики с тем, что раньше было преимущественно экономической областью: со стратегическими природными ресурсами, прежде всего с нефтью. Большая игра вокруг этого судьбоносного ресурса цивилизации, судя по всему, уже началась.

Аналогом и моделью геоэкономической (трансэкономической и парapolитической) конструкции может служить многоярусный «китайский шар». Эта геоэкономическая конструкция последовательно соединяет сопряженные виды деятельности в сложноподчиненную топологию экономистического универсума. На нижнем, географически локализуемом уровне располагаются добыча природных ископаемых и их использование природозатратной экономикой; выше — производство интеллектуального сырья и его освоение высокотехнологичным производством товаров и услуг, а на транснациональном ярусе — производство финансовых ресурсов и применение технологий взывания квазиаренты со всех видов экономической деятельности как механизма управления индустриальными объектами (в свою очередь плодящими потребность в данных ресурсах и услугах).

Однако транснациональна также изнанка, «подполье» геоэкономического мироустройства: сдерживаемый цивилизацией порыв к хищническому использованию всего культурно-хозяйственного потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, а также системный контроль над различными видами асоциальной практики. Отсюда, из «геоэкономического андеграунда», в легальный сектор проникают правила игры, в которых правовой, а тем более моральный контекст постепенно утрачивает свое былое значение. Наконец, на высшем этаже геоконата — находящаяся в процессе создания сеть «штабной экономики», система глобального управления ею, производство «правил игры», прямо и косвенно соединяющих экономику с политикой.

Миру нового века будет свойственна не только экономическая унификация, но и расширение «диапазона возможностей». Транснациональный мир, имея подвижную систему координат, избирает для себя ту или иную форму реализации лишь как конъюнктурную фиксацию *status quo*. Подобный динамичный универсум начинает все более походить на «мир игры», где не все существующее достоверно и не все достоверное реально, где многие феномены устойчивы, но при этом не обязательно равновесны. Его парадоксальность, к примеру, проявляется в странном на первый взгляд сближении двух тенденций: с одной стороны, к расширению индивидуальной свободы, а с другой — к усилению социального контроля¹¹. Кроме того, складывается новое поколение социальных институтов, осо-

бый тип корпоративной культуры, тесно связанный с постиндустриальным укладом и сетевой культурой (я называю этот феномен «амбициозной корпорацией»). Подобная организация, успешно решая чисто экономические задачи, ставит при этом в центр своей деятельности некую нематериальную цель, миссию, если угодно, собственное прочтение реальности бытия. Вокруг смыслового центра выстраиваются другие конфигурации (ассоциации и группы), причем решение ряда конкретных рабочих задач передается сопредельному «организационному рою» на условиях аутсорсинга (использование внешних источников, постоянное обслуживание на основе договора; от англ. *outsourcing*. — **Прим. ред.**). В таком конгломерате интенсивная поисковая, «проектная» активность совмещается с экстенсивными пакетными действиями в избранном направлении. Амбициозная корпорация активно пользуется уже упоминавшимися «матричными» технологиями, организующими, «топологизирующими» среду, создает коллизии и ситуации, желательные для стратегических целей и текущей деятельности.

Ориентация амбициозной корпорации на максимально гибкие организационные схемы хорошо защищает ее даже при серьезных потрясениях. Она способна пожертвовать частью ради сохранения целого (тем более что пути достижения желаемой цели выбирают по сценарному принципу). Такой тип организационной культуры позволяет также совершать в широком масштабе групповые действия, одновременно решать комплексные задачи, выстраивать системно-модульные схемы. Все это, впрочем, в той или иной мере делалось и раньше, но масштаб и оперативность действий были совершенно иными. В нашем случае глобальный кумулятивный эффект достигается за счет технических и технологических механизмов, освоенных цивилизацией совсем недавно. Иными словами, полномасштабное развертывание подобного феномена оказалось возможным только в условиях постиндустриального уклада.

Пожалуй, главное отличительное свойство амбициозной корпорации — универсальность экспансии, расширение пределов собственной компетенции, неизбежно выводящее ее в пространства внешней политики, превращая, в частности, в институциональную основу и инструмент «астероидных групп». При этом объединение экономических, политических, культурных задач «в одну связку» позволяет решать каждую из них гораздо эффективнее за счет синергетического эффекта. В сущности, речь идет уже не о хозяйственной деятельности, а об институционализации транснациональной и трансэлитной системы управления, о решениях, касающихся стратегий развития человечества, о властных импульсах, формирующих сам контекст рассмотрения и принятия подобных решений. В своих различных модификациях это скорее социогуманитарные, а не экономические образования, объединяющие представителей самых раз-

ных направлений человеческой активности, членов транснационального «нового класса», действующих зачастую вне привычных властных структур. Здесь, кстати, само понятие «корпорация» приобретает прежний, основательно подзабытый смысловой оттенок.

В результате в динамичном мире возникает и новый класс угроз. Сталкиваются не только интеллекты, финансы, организационные принципы, технические возможности, технологические решения, но и прежде всего мировоззрения, кодексы поведения прежней цивилизации и новой культуры. Постепенно на планете выстраивается глобальный и многоярусный *Undernet*, эксплуатирующий открывающиеся возможности для не ограниченных моральными препонами форм деятельности легальных и нелегальных организаций. Неформальный стиль и гибкость подобных организмов оказывается их существенным преимуществом. В новой, неформализованной международной среде сетевые конгломераты прочерчивают границы собственной полифоничной и динамичной географии, выступая в качестве хотя и «виртуальных», но на деле равнозначных партнеров привычных государственных и корпоративных структур управления.

В начале 2001 года мне довелось участвовать в совещании по безопасности Центрально-Азиатского региона в Бишкеке, на котором среди прочего обсуждалась ситуация с наркотрафиком¹². В привычной системе координат эта проблема предстает практически неразрешимой из-за организационной асимметрии государственных органов и криминальных кланов. Высокая степень обратной связи и персональное разделение рисков внутри наркокартелей серьезно повышает их способность приспосабливаться к изменениям среды и принимаемым против них мерам. Кроме того, финансовое сверхблагополучие подобных организаций зиждется на иных принципах, нежели у конвенциональной экономики, а щедрое использование ресурсов не снижает их конкурентоспособность. Поэтому борьба против наркотрафика подчас напоминает попытки локализовать вирусные эпидемии, приводящие в конечном счете к появлению все более изощренных и жизнестойких форм этой напасти.

Контуры глобальной нестабильности и особой социальной динамики проявляются и в феномене «диффузных войн». Терроризм становится транснациональным, размываются временные и пространственные границы военных и паравоенных конфликтов, их субъектов и объектов, применяемых средств и методов ведения боевых действий. В условиях трансформации миропорядка, когда «родовые признаки» прежнего цивилизационного контекста и государственности деформированы или ослаблены, современные военные системы становятся менее эффективными (вспомним конфуз Америки в распавшемся на кланы Сомали или зыбкость ситуации в Косово и Македонии, где на смену конфронтации с Сербией пришли операции против албанских боевиков). Соединенным Штатам,

обладающим огромной мощью, уже не раз приходилось иметь дело с безликим противником и анонимной агрессией.

Переходя в иное качество, цивилизация сталкивается с новым типом серьезных и долговременных угроз. И хотя обновление средств и технологий безопасности уже идет, все чаще приходится задумываться о принципиально иных путях обеспечения стратегической стабильности, об альтернативной концепции глобальной безопасности и радикальном изменении реестра соответствующих действий, самой логики борьбы против общественной аномии и международного терроризма. Новые социальные технологии нельзя создавать по лекалам прежней схемы мироустройства. Образно говоря, «стратегия Буша-младшего», даже видоизмененная, не может повторять «стратегию Буша-старшего».

Существующие системы обеспечения национальной безопасности, прежде всего вооруженные силы, оказались настроенными на иные типы угроз. В новых конфликтах их бывшая мощь, нацеленная не на активную диверсификацию форм противодействия (и освоение новых пространств борьбы), а на пассивную эскалацию устрашения, словно уходит в песок. Эти системы были созданы в первую очередь для борьбы против систем нападения со стороны таких же государств или их коалиций. Для борьбы против агрессии четко обозначенных институтов, с противником, имеющим, как минимум, географически локализуемую структуру. В конфликте же с типологически новыми субъектами, с финансовыми, экономическими, информационными, террористическими и иными транснациональными структурами, «не имеющими отечества», прежние системы безопасности оказываются гораздо менее эффективными¹³.

На упоминавшейся выше Бишкекской встрече по безопасности в Центральной Азии я предложил для обсуждения *квазиэкологическую методологию* противодействия неблагоприятным социальным явлениям. Ее суть — в отходе от реактивной политики («борьба с симптомами») и переход к системным действиям, напоминающим стратегию противостояния вирусным эпидемиям или экспансии нежелательных популяций («адаптация», «разрушение потенциала антисистемы», «финансовая стерилизация», «подрыв патогенной среды обитания», «обеспечение определенного стандарта социально-экономического благополучия населения»). Надо сказать, что новый терроризм, нанеся удар, также понес некоторый ущерб, утратив отчасти фактор внезапности и прежнюю близкость.

Отсутствие стратегического мышления проявляется между тем не в дефиците значимых целей, а скорее в непонимании контекста и логики событий, их семантики, внутреннего смысла и в мистифицировании реальности. К сожалению, в поисках чаемой панацеи от новых угроз нередко приходится сталкиваться с тем, что надежды возлагаются на новый уровень совершенствования уже существующих методов и технологий. На-

пример, постепенно начинают обретать плоть модели, уподобляющие социальное пространство цифровому¹⁴. Действительно, специалисты по безопасности признают, что, скажем, выследить хакера в Интернете легче, чем преступника в обычном мире. Компьютерные сети, набор серверов и протоколов представляют собой среду, где варианты действия ограничены и фиксируемы, процессы можно в любой момент раскодировать и проконтролировать. В реальном же сообществе существует неограниченное множество кодов поведения при явном дефиците «протоколов». Если следовать этой логике, то задача состоит в том, чтобы сузить число вариантов человеческого поведения и уверенно контролировать оставшиеся. Идеал такой среды — тотально контролируемое общество. Попытка создать «всеобщий каталог», ввести пожизненный личный код, систематизировать персональную информацию уже предпринималась и в странах Шенгенской группы, и в США, где специалисты разрабатывают сейчас наиболее универсальные в этом смысле системы *Digital Angel* и *Aura*. Все это представляет собой, однако, коренную ревизию начал современной цивилизации, попытку превратить субъект в объект.

В новой психологической атмосфере живо обсуждается вопрос о необходимости ограничить некоторые ключевые свободы и открыть спецслужбам доступ к частной информации. Скачкообразное ужесточение специальных процедур уже получило в Соединенных Штатах ярлык «новая нормальность». И снова расчет сделан на технологии (информатика, биометрика, цифровые коды, телекоммуникационные системы), развитие которых начинает угрожать основной ценности нашего мира — свободной личности. Подобный сценарий ведет цивилизацию в тупик, к логическому концу. Это реакция охранительного механизма на рост организма: стремление переломить, а не оздоровить логику его развития. Технологически тотальную слежку, вероятно, и можно установить, но это создаст еще более серьезную угрозу. Основным источником опасности окажется сама свобода.

Свобода обоюдоостра. В пространстве исторического действия появился новый субъект, творящий реальность. Эта свободно действующая личность отсечена от прежних культурных корней. Она ощущает себя элитой нового мира независимо от того, каким образом включена в прежнюю систему, и способна безжалостно распоряжаться своей и чужой свободой, действуя как «с той», так и «с другой» сторон социальной иерархии. Сейчас в руках у подобных личностей — действенные финансовые, организационные, информационные и технические инструменты. Диалог между такого рода личностями и пассионарными группами идет через головы других людей, выступающих в роли безликих статистов.

Мир столкнулся с новой психологией, интенсивным социальным творчеством, сменой социальных и культурных ожиданий. Гибкость и неподконтрольность, принципиально непубличные действия неформальной элиты,

набирающей вес, но не нуждающейся в институционализации своих социальных претензий (по крайней мере, в прежнем смысле этого понятия), проявляются во внешней иррациональности, анонимности существующих социальных связей. Новые субъекты транснациональных связей, действующие поверх прежних социальных конструкций и взявшиеся за формирование будущего, подвергаются обвинениям в произвольном толковании закона и прямом пренебрежении им, в гегемонизме и терроризме. Однако они не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики и демократии, утрачивающие прежнее значение и приобретающие в меняющейся социальной среде оттенок маргинальности.

Мировое сообщество стоит перед альтернативой: создать комплексную систему глобальной безопасности, «ориентированную на новый орган всемирно-политической власти¹⁵», или перейти к явно неклассическим сценариям новой, нестационарной модели международных отношений. Сейчас вырисовываются два видимых сценария развития событий на планете. Первая логическая траектория, чей дизайн уже вполне различим, предполагает завершение геэкономического каркаса Нового мира¹⁶. Однако если наметившаяся «каталогизация мира» окажется иллюзией, коренящейся, видимо, в механистичных представлениях эпохи Просвещения, и человечество будет все чаще спотыкаться о возникающие противоречия, то более привлекательной станет доктрина упреждающих действий, увенчанная той или иной формулой глобального силового контроля. Можно предвидеть и появление новых форм развития кризисов и урегулирования конфликтов. Это объясняется сломом прежней системы взаимоотношений государств, турбулентностью мирового андеграунда и новой логикой применения силы. Не исключены также существенное видоизменение самой геэкономической реальности (отчуждение прав владения от режима пользования, масштабное перераспределение ресурсов, энергии и объектов собственности) и радикальное изменение структуры цен, в том числе за счет целенаправленного взрыва финансовых мыльных пузырей.

Существующие и прогнозируемые поля конфликтов и других турбулентностей в мировой политике в целом укрепляют тенденцию становления глобальной и динамичной системы управления социальными процессами как новой исторической нормы внешних отношений — поствестфальской системы мировых связей.

Примечания

¹ *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilization: The Politics of the Third Wave. Atlanta, 1995; *Galbraith J. K.* The Good Society: The Human Agenda. Boston; N. Y., 1996; *Hopkins T., Wallerstein I., Casparis J.* The Age of Transition: Trajectory of the World System, 1945—2025. N. Y., 1996; *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Rise of the Network Society. Malden (Ma.); Oxford (UK), 1996; *idem.* The Information Age: Economy,

Society and Culture. Vol. 2: The Power of Identity. Malden (Ma.); Oxford (UK), 1997; *idem*. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 3: End of Millennium. Malden (Ma.); Oxford (UK), 1998; *Chomsky N.* World Orders, Old and New. L., 1997; *Touraine A.* Pourrons-nous vivre ensemble?: Eaux et différents. P., 1997; *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. N. Y., 1997; *idem*. The Geostrategic Triad: Living with China, Europe, and Russia. Wash. D. C., 2000; *Naisbitt J.* Megachallenges: A Compass for the 21st Century. N. Y., 1998; *Luttwak E.* Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy. L., 1998; *Tburow L. C.* Creating Wealth: The New Rules for Individuals, Companies and Countries in a Knowledge-Based Economy. L., 1999; *Etzioni A.* The End of Privacy. N. Y., 1999; *Fukuyama F.* The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. N. Y., 1999; *Drucker P. F.* Managing Challenges for the 21st Century. N. Y., 1999; *On the Edge / A. Giddens, W. Hutton (eds).* L., 2000; *The Global Third Way Debate / A. Giddens (ed.)*. N. Y., 2001; *Kissinger H.* Does America Need a Foreign Policy?: Toward a Diplomacy for the 21st Century. N. Y., 2001; *Buchenen P.* The Death of the West. N. Y., 2001.

- ² Подробную библиографию зарубежных работ по данной проблематике см. в статье автора: *Неклесса А.И.* Осмысление Нового мира // Восток. 2000. № 4; *Он же.* Á la carte // Полис. 2001. № 4. Теме социокультурных революций и глобальной трансформации современного мира посвящена трилогия автора, опубликованная в журнале «Новый мир». См.: *Неклесса А.* Эпилог истории, или Пакс Экономикана // Новый мир. 1999. № 9; *Он же.* Глобальный город: Торение и разрушение // Новый мир. 2001. № 3; *Он же.* Трансформация истории // Новый мир. 2002. № 9.
- ³ «...Несмотря на события 11 сентября, Модернити, представленная США и другими развитыми демократиями, осталась доминирующей силой в мировой политике, а институты, олицетворяющие основные западные принципы свободы и равенства, продолжают распространяться по всему миру. Атаки 11 сентября — удар отчаяния против современного мира, который представляется скоростным грузовым поездом тем, кто не хочет на него попасть».
- ⁴ Подробнее о цивилизационной и культурной трансформации см.: *Неклесса А.И.* Непознанная культура: Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира. М.: Восточная литература, 2002.
- ⁵ Реальная разделительная линия в дискуссиях о глобализации, конечно же, сложнее и прихотливее, чем деление на точку зрения европейцев и американцев. Так, бывший президент США Джими Картер, выступая на церемонии вручения ему Нобелевской премии мира за 2002 год, заявил, что «одобрение принципа превентивной войны сильными странами создает прецедент, чреватый катастрофическими последствиями». С другой стороны, политика администрации Джорджа Буша встречает понимание и поддержку со стороны премьер-министра Великобритании Тони Блэра. Тем не менее водораздел очевиден.
- ⁶ Подробнее о роли сетевых структур в современном мире см.: *Неклесса А.И.* Момент истины: Заметки на полях постсовременной истории // Дружба народов. 2002. № 4.
- ⁷ Подробнее о проблеме стратегического планирования см.: *Неклесса А.И.* Интеллект, элита и управление // Россия XXI. 2002. № 1.
- ⁸ Это уже несколько иная версия глобализации, отходящая от недавних прописей. США несколько парадоксальным на первый взгляд образом начинают выступать с позиций своего рода «глобального неизоляционизма», выводя себя за пределы общего круга глобализации. К примеру, таких характерных ее тем, как «коллективные действия», «международные организации», «движение людей», «Киотский протокол», «создание международных судебных органов» и т. п. В этом смысле можно, пожалуй, даже говорить о своеобразном «глобалистском антиглобализме» США.

- ⁹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: Открытое общество в опасности. М., 1999. С. 114. См. также: *Wittvogel K. A. Die orientalische Despotie: Eine vergleichende Untersuchung totaler Macht.* Köln; Berlin, 1962.
- ¹⁰ Карло Ж, Савона П. Геоэкономика. М.: Ad Marginem, 1997. С. 42.
- ¹¹ Сошлюсь на другую свою трилогию, опубликованную в журнале «Знамя»: Неклесса А.И. Контуры Нового мира и Россия: (Геоэкономический этюд) // Знамя. 1995. № 11; *Он же.* Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Знамя. 1998. № 1; *Он же.* Конец эпохи Большого Модерна // Знамя. 2000. № 1.
- ¹² Отчет о Бишкекской встрече, на которой в феврале 2001 года обсуждалась тема «Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности», см. «Восток» (Oriens). 2001. № 5.
- ¹³ Ср.: «устрашение как угроза массированного удара возмездия по странам-агрессорам — пустой звук для тайных террористических группировок, не имеющих ни отечества, ни граждан, которых следует защищать» (из речи Буша-младшего перед выпускниками военной академии Вест-Пойнта 1 июня 2002 г. (перевод А. Неклессы). См.: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/06/20020601-3.html>
- ¹⁴ Кстати говоря, сейчас целенаправленная агрессия против национального информационного пространства признается в США вполне законным *casus belli*.
- ¹⁵ Бжезинский З. Соединенные Штаты превыше всего: Международные последствия 1989 года // Независ. газ. 1999. 24 нояб.
- ¹⁶ Подробнее см.: Неклесса А.И. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития. М.: Экономика, 2001; Неклесса А.И. Четвертый Рим: Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Российские стратегические исследования. М.: Логос, 2002.